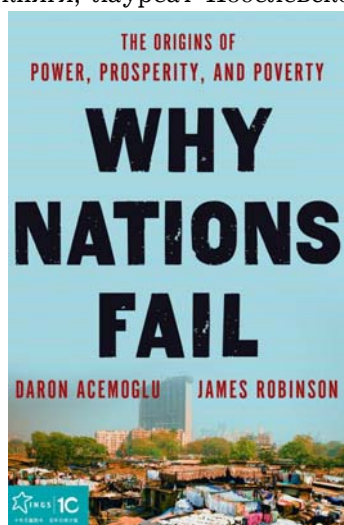

ПОЧЕМУ ГОСУДАРСТВА ТЕРПЯТ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРАХ

ACEMOGLU Daron, ROBINSON James A. Why Nations Fail: the Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York.: Crown Publishing Group, 2012. 529 p.

Д. ЭЙСЕМОГЛУ, Дж. А. РОБИНСОН. Почему государства терпят экономический крах: причины могущества, процветания и бедности. Нью-Йорк: Краун паблишинг групп, 2012. 529 с.

В своём отзыве на рецензируемую книгу, помещённом на суперобложке книги, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г. Дж. Акерлоф от-

мечает: «Какое-то время тому назад малоизвестный шотландский философ написал книгу о том, что именно заставляет нации преуспевать или терпеть крах. Это «Исследование о природе и причинах богатства народов» читают и сегодня. С такой же пронизательностью и в той же широкой исторической перспективе Дэрон Эйсемоглу и Джеймс Робинсон заново исследуют тот же вопрос уже для нашего времени. Два столетия спустя книгу «Почему нации терпят экономический крах» будут читать наши прапра...правнуки.»

Современная экономическая наука испытывает явный дефицит инновационных подходов к решению проблем хозяйственного роста, распределения общественного богатства и борьбы с бедностью, инфляцией, валютных кризисов и многих других. Поэтому любая серьёзная попытка найти новые решения наболевших вопросов заслуживает пристального внимания. Американские исследователи – Дэрон Эйсемоглу, профессор Массачусетского технологического института, и Джеймс Робинсон, профессор Гарвардского университета – попытались по-новому оценить истоки растущего богатства или хронической бедности различных государств и, используя положительный опыт стран-лидеров, предложить возможные пути выхода из экономической стагнации для аутсайдеров мировой экономики.

Почему одни страны становятся богаче, а другие консервируют бедность и социальное расслоение? Связано ли это со сложившимися климатическими условиями, историческими и культурными традициями, географическим расположением стран? Можно ли преодолеть экономическую отсталость при помощи эффективной внутренней и внешней политики?

По-видимому, ни один из перечисленных факторов не является определяющим. Как же тогда объяснить тот факт, что Ботсвана является одной из наиболее быстро развивающихся стран мира, а расположенные рядом с ней Зимбабве, Конго и Сьерра-Леоне – беднейшие государствами Африки, переживающие гражданские войны и военные перевороты?

Д. Эйсемоглу и Дж. Робинсон доказывают, что причинами бедности или богатства наций являются создаваемые людьми политические и экономические институты, которые могут как стимулировать экономические достижения, так и вести к застою. «Страны различаются по экономической успешности в силу различий в экономических институтах, правилах, которые определяют, как работает экономика, и стимулах, мотивирующих людей» (р. 73).

Главным фактором успеха Эйсемоглу и Робинсон считают «*инклюзивные* (*inclusive*)» экономические институты», которые стимулируют большие массы населения к участию в экономической деятельности, наилучшим образом используя их таланты и квалификацию и позволяя им выбирать ту деятельность, к которой эти люди стремятся.

Парадоксально, но увязывая *инклюзивные* институты с плюрализмом, авторы одновременно утверждают, что непременным атрибутом этих институтов является централизованное и сильное государство. «Мы, называем *инклюзивными* такие политические институты, которые достаточно централизованы и плюралистичны» – пишут авторы в своей работе (р. 81).

«Обязательными атрибутами *инклюзивных* экономических институтов являются гарантия частной собственности, железно выполняемые законы и создание такой социальной среды, которая даёт людям возможность совершать обмены и заключать контракты; эта среда должна также позволять создавать новые бизнес-единицы и выбирать карьеру» (р. 74-75).

«*Инклюзивные* экономические институты» создают «*инклюзивные* рынки», которые являются «самой лучшей игровой площадкой» для раскрытия талантов. Но, помимо этого, «*инклюзивные* экономические институты» открывают дорогу ещё для двух «двигателей процветания» – технического прогресса и образования (р. 76-77).

Доказывая, что причинами бедности или богатства наций могут быть сконструированные и построенные людьми политические и экономические институты, которые могут либо стимулировать экономические достижения, либо, напротив, вести нации в застой, Д. Эйсемоглу и Дж. Робинсон приводят в качестве примера Корейский полуостров, на котором проживает одна нация. При этом Северная Корея является одним из беднейших государств мира с очень низким уровнем потребления населения, а Южная Корея быстро развивается, умело наращивая свой промышленный потенциал.

На юге Корейского полуострова сложилось индустриальное общество, создающее стимулы для внедрения инноваций и дающее возможности людям полностью использовать предоставляемые государством экономические возможности. Экономические достижения Южной Кореи стали результатом от-

* Инклюзивным политическим институтам авторы противопоставляют экстрактивные (*extractive*) институты.

ветственной внутренней политики государства, заботящегося об основной массе своих граждан. На севере же Корейского полуострова люди в течение нескольких десятилетий голодают и испытывают дефицит многих современных товаров, подвергаются репрессиям. Система экономических институтов Северной Кореи принципиально отличается от систем большинства стран мира, и какого-то выхода из этого экономического тупика не видно. Разница между двумя государствами Корейского полуострова, как утверждают авторы книги, является результатом их различной государственной политики, создавшей принципиально разные институциональные траектории.

Основываясь на многолетних исследованиях, Эйсемоглу и Робинсон приводят многочисленные примеры из истории Римской империи, государства Майя, средневековой Венеции, Советского Союза, Латинской Америки, Соединённых Штатов и государств Африки и, основываясь на их осмыслении, строят новую конструкцию политической экономии, призванную дать ответы на многие актуальные вопросы современности. Сможет ли Китай сохранить высокие темпы экономического роста и вытеснить Запад из глобальной экономики? Удастся ли Соединённым Штатам сохранить экономическое лидерство или они будут и дальше уступать экономические позиции развивающимся рынкам Азии и Латинской Америки? Как наиболее грамотно помочь миллиардам людей в мире достигнуть высокого «качества жизни»: увеличивая финансовые субсидии со стороны богатых стран или создавая эффективные политические институты, стимулирующие развитие прибыльных экономических систем? Эйсемоглу и Робинсон в своем масштабном исследовании пытаются ответить на эти многотрудные вопросы.

В качестве локального примера авторы сравнивают экономическое состояние двух районов небольшого североамериканского городка Ногалес, разделённого пополам американско-мексиканской границей. В северной части города (Ногалес, штат Аризона, США) домохозяйства имеют достаточно высокий уровень доходов (около 30 тыс. долл. в год), большинство детей посещают государственные и частные школы. Большая часть взрослых граждан северного Ногалеса имеет высшее образование и высокоплачиваемую работу, пользуется хорошим медицинским обслуживанием, а потому продолжительность жизни здесь высока даже по мировым стандартам. Всем домохозяйствам на севере Ногалеса доступны электричество и телефон, отличные дороги связывают город с другими регионами США. В северном Ногалесе существует эффективная и работающая система законов, поддерживается правопорядок. «Американцы в Ногалесе, Аризона, могут жить и работать, не опасаясь за свою жизнь или безопасность, не боясь экспроприаций или других вещей, способных уничтожить их инвестиции, бизнес или дома», — отмечают Эйсемоглу и Робинсон (р. 7). Они могут переизбрать мэра города, конгрессменов и сенаторов, выражают свою волю на президентских выборах и, таким образом, определяют будущее своей страны.

Совсем иначе протекает жизнь людей на южной стороне американско-мексиканской границы. Хотя мексиканский город Ногалес, провинция Сонора считается одним из процветающих регионов страны, средние доходы здесь втрое ниже, чем в американском Ногалесе. Большинство взрослых в Ногалесе,

Сонора, не имеют высшего образования, а многие дети не посещают школу. Существующая здесь система здравоохранения малоэффективна, а потому очень высока детская смертность и взрослые живут меньше, чем их соседи на севере. В убогом состоянии находятся дороги, плохо работает мобильная связь. Мексиканские законы не соблюдаются, и преступность очень высока. Создание собственного бизнеса здесь весьма рискованно. Жители города живут в атмосфере политической коррупции и неустроенности.

В отличие от северных соседей, уровень развития демократических институтов в мексиканском Ногалесе невысок. До политической реформы 2000 г. Ногалес, как и остальная Мексика, жил под коррупционным контролем Институциональной революционной партии.

Почему условия жизни и развития бизнеса в двух частях одного города столь сильно различаются? Эйсемоглу и Робинсон видят истоки сложившейся ситуации в различных моделях колонизации Америки. Испанские конкистадоры, колонизировавшие Мексику и Латинскую Америку, старались захватить в плен вождей и лидеров крупных государств, а затем использовать в своих интересах рабский труд их подданных. Поскольку многие регионы Латинской Америки имели богатые месторождения золота и серебра, а также благоприятные условия для растениеводства, использование рабского труда до определённого времени приносило хорошие прибыли. Неустранимым недостатком испанской модели колонизации стало отсутствие каких-либо элементов демократии во внутренней политике латиноамериканских государств и слабое развитие рыночных инструментов развития бизнеса. Пережитки авторитаризма в политике и коррупции в экономике многие страны континента ощущают до настоящего времени.

Британская колонизация Северной Америки началась примерно через сто лет после Конкисты и разгрома испанской «непобедимой армады». Изначально британские колонисты пытались копировать испанскую модель колонизации Америки (пленение вождей, принудительный труд местного населения). Однако месторождений драгоценных металлов на Восточном побережье Северной Америки не оказалось, местные племена были малочисленны и настороженно отнеслись к британским колонистам. Пришлось искать другие подходы к освоению новых земель. Один из основателей британской колонии Джеймстаун (1607 г.) Джон Смит в письме к руководителям Вирджинской компании просил прислать с новой экспедицией не солдат, а плотников, кузнецов, земледельцев и рыбаков, т.е. специалистов, способных кормить себя и осваивать ресурсы новых территорий самостоятельно. Постепенно в Северной Америке стали формироваться политические и экономические институты, способствовавшие демократическому развитию страны и стимулировавшие экономический рост.

К сожалению для американистов, большая часть книги Эйсемоглу и Робинсона посвящена не анализу опыта США и других индустриальных стран, создавших эффективные экономические модели, а провалам многих стран (в основном слаборазвитых) в осуществлении экономических и политических преобразований в последние десятилетия. Один из наиболее вопиющих отрицательных примеров деколонизации – рассмотрение современной экономической и политической ситуации в Зимбабве (р. 368–373).

После обретения независимости и уничтожения системы апартеида в 1980 г. в Зимбабве сложились условия для осуществления демократических и экономических преобразований. Однако президент Роберт Мугабе построил авторитарную систему управления страной, основанную на коррупции и подавлении рыночных институтов. В парламенте представлена только одна партия (Африканский Национальный Союз Зимбабве), члены которой безоговорочно поддерживают все инициативы президента Мугабе.

После завоевания независимости для регулирования экономики были использованы старые перераспределительные экономические институты, существовавшие ещё при апартеиде: государственное регулирование цен, протекционизм внешнеэкономических связей, жёсткое планирование аграрного рынка. Быстро увеличилось число чиновников, которые рекрутировались из сторонников партии Африканский Национальный Союз. Жёсткое государственное регулирование экономики препятствовало развитию бизнеса.

В стране начались репрессии против малочисленных белых фермеров и передел собственности в пользу новой правящей африканской элиты. Большинство квалифицированных специалистов и менеджеров были вынуждены покинуть Зимбабве, и богатая ресурсами страна переживает стагнацию производства, развал финансовой и денежной систем.

В настоящее время средний доход на душу населения в Зимбабве в два раза ниже, чем был в 1980 г., когда страна обрела независимость. Сегодня практически отсутствуют ключевые виды современных услуг, определяющих качество жизни населения (здравоохранение, образование, транспорт, юридическая помощь). Низкий уровень медицинских услуг привёл к тому, что в 2008–2009 гг. в Зимбабве разразилась эпидемия холеры, погибло много людей. А ведь подобные эпидемии в Африке не фиксировались в течение предыдущих 15 лет. По оценкам ООН уровень безработицы в Зимбабве в 2009 г. составлял 94% (!) общего числа трудоспособных людей (р. 369).

Начиная с 2000 г. в стране по-прежнему экспроприируются земли у белых фермеров в пользу ассоциаций ветеранов партизанской войны и партийной элиты пропрезидентского Африканского Национального Союза Зимбабве. Но из-за низкой культуры земледелия и животноводства урожайность растениеводства и продуктивность скота падают, валовой продукт страны снижается, налоги в бюджет не выплачиваются. Единственным источником пополнения государственного бюджета стала денежная эмиссия, что привело к рекордной гиперинфляции. В 2009 г. правительство разрешило использовать для финансовых расчётов иностранную валюту, в частности ранды Южно-Африканской Республики, и доллары Зимбабве были полностью вытеснены из обращения.

После нескольких финансовых кризисов в 1990-е годы МВФ и Всемирный банк разработали несколько программ реструктуризации экономики для Зимбабве, но ни одна из этих программ не была реализована полностью.

Резюмируя негативный опыт ряда слаборазвитых стран, Эйсемоглу и Робинсон приходят к следующим выводам: «Современные государства деградируют потому, что их *экстрактивные* экономические институты не создают для людей стимулов, чтобы сберечь, инвестировать и внедрять инновации. Важнейшие политические институты, поддерживающие эти экономические инсти-

туты, укрепляют власть людей, снимающих сливки от перераспределения материальных ресурсов. *Экстрактивные* экономические и политические институты, особенности которых отличаются в зависимости от обстоятельств, являются основной причиной деградации государств. Во многих случаях, как мы увидим на примере Аргентины, Колумбии и Египта, эта деградация приобретает форму дефицита экономической активности, поскольку политики слишком увлечены дележом ресурсов и ликвидируют любой тип независимой экономической активности, которая угрожает им и экономическим элитам. В некоторых экстремальных случаях, как в Зимбабве и Сьерра-Леоне, которые рассматриваются в книге, перераспределительные институты готовят почву для полного развала государств, разрушая не только закон и порядок, но даже основные экономические стимулы. Результатом является экономическая стагнация и, как показывает современная история Анголы, Камеруна, Чада, Демократической Республики Конго, Гаити, Либерии, Непала, Сьерра-Леоне, Судана и Зимбабве – гражданские войны, массовые миграции, голод и эпидемии, делающие эти страны беднее, чем они были в 1960-е годы» (р. 373).

Книга Эйсемоглу и Робинсона актуальна для России, политические институты которой реформируются медленно, а экономические реформы половинчаты и непоследовательны. Как показывает книга Эйсемоглу и Робинсона, для решения наболевших проблем необходим политический и экономический прагматизм, ответственные решения федеральных, региональных и местных властей. Посвящённая возможным последствиям необдуманной внутренней политики книга Д. Эйсемоглу и Дж. Робинсона **«Почему государства терпят экономический крах»** может стать хорошим подспорьем в принятии правильных социально-экономических решений.

А.Ю. Давыдов,
кандидат экономических наук,
ведущий сотрудник ИСКРАН